

Проникновение восточного фольклорного материала в древнерусскую литературу началось еще в период Киевской Руси и продолжалось в течение последующих веков. Начиная с повести об Акире Премудром и кончая повестью о Еруслане Лазаревиче, мы находим в древнерусской литературе много примеров, подтверждающих давние культурные связи русского народа с народами Востока. Особенно популярны в древнерусской письменности были нравоучительные сказки и притчи, столь характерные для восточного фольклора (сюжеты из Акира Премудрого, Стефанита и Ихнилата, Варлаама и Иосафа и т. д.).

Наличие русской обработки восточной сказки о мудром советнике царя может быть объяснено также и тесными связями этого сюжета с русским сказочным сюжетом о птичьем языке. Сказки с этим сюжетом широко известны как в русском,⁷ так и в восточном фольклоре.⁸ Знание языка птиц или животных в качестве сказочного мотива входит в состав многих других сказочных сюжетов и является одним из распространенных способов проявления чудесного знания (или чудесного умения) главного героя. Этот мотив проник и в древнерусскую литературу. Так, в заключительной повести царевича Диоклетиана «О двух слугах царских и о Александре и о Людовике» (бытующей и в качестве отдельного произведения) из «Повести о 7 мудрецах» есть эпизод о египетском короле и 3 воронах, требовавших царского суда. Знание птичьего языка помогает Александру разрешить их спор.⁹ В 16-й притче «Стефанита и Ихнилата» говорится о двух совах, выученных говорить человеческим языком.¹⁰

Оба изданных списка «Повести» относятся к XVII в. — один к первой четверти,¹¹ второй — к середине. Оба списка являются копиями с более ранних вариантов, вернее всего — выпиской из какого-то сочинения, тематически связанного с татарской тематикой, что и дало основание переписчикам озаглавить свою повесть «Из книг бытей татарских» (или «Из книг быттейских собрание о татарских»). Русские варианты этого сюжета называют сказку «притчей», видимо, потому, что в конце ее имеется двойное нравоучение: во-первых, для царя, изменившего систему своего правления, и, во-вторых, для читателя: находчивый человек, умело пользующийся своим разумом, не только себя может спасти, но и дать облегчение многим людям. Интересно, что оба списка находятся в сборниках, включающих летописцы. Других произведений литературного характера в этих сборниках нет.

Время возникновения данной «Повести», как произведения недатированного, можно установить лишь приблизительно, опираясь главным образом на литературные аналогии. Верхняя хронологическая граница «Повести» — первая четверть XVII в. — определяется наличием рукописных списков «Повести». Что касается нижней хронологической границы, то едва ли можно будет ее опустить ниже конца XVI в.: и по своему содержанию, и по литературным образам, и по лексике интересующая нас «По-

⁷ См., например: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. II, изд. 5-е. М., 1938, № 138 и многие другие.

⁸ Сказка о птичьем языке составляет содержание первого рассказа из «1001 ночи» — рассказа о быке с ослом (см.: Книга тысячи и одной ночи, т. 1. Academia, М.—Л., 1932, стр. 15—18).

⁹ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 124; И. Н. Жданов. Повесть об Александре и Людовике и былина «Нерассказанный сон». — Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 155.

¹⁰ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 164.

¹¹ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 9.